

Шопенгауэр Артур

Полное собрание сочинений

Том 3. Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Полное собрание сочинений: Том 3. Часть 2 / Шопенгауэр Артур – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 544 с.

ISBN 978-5-8853-6507-9

Полное собрание сочинений. Том 3. Часть 2

ISBN 978-5-8853-6507-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ силу этого поэтъ въ состояніи удовлетворить людей самыхъ различныхъ способностей, даже дураковъ и мудрецовъ, въ одно и то же время. *Философы*, напротивъ, предлагаютъ не самую жизнь, какъ при предыдущемъ способѣ, а готовые, отвлеченныя нѣтъ изъ нея мысли, и требуютъ затѣмъ, чтобы его читатель мыслилъ именно такъ, какъ онъ самъ, и именно въ тѣхъ же границахъ. Въ силу этого, публика его чрезвычайно немногочисленна. Оттого поэта можно уподобить тому, кто приносятся цвѣты, философа же—тому, кто даетъ ихъ квинтъ-эссенцію.

Другое великое преимущество поэтическихъ созданій предъ философскими — то, что всѣ творенія поэтовъ, несколько не препятствуя другъ другу, сосуществуютъ одно подлѣ другого: мало того, даже самыя разнородныя изъ нихъ могутъ доставлять наслажденіе одному и тому же уму и получать отъ него надмѣющую оцѣнку; между тѣмъ всякое философское ученіе, едва появившись на свѣтъ, уже замышляетъ гибель всѣхъ своихъ собратій, подобно азіатскому султану при вступленіи его на тронъ. Ибо, какъ къ улыбъ можетъ быть лишь *одна* мятка, такъ при обычномъ порядкѣ вещей возможна лишь *одна* философія. Системы обнаруживаютъ совершенно такую же необщительную натуру, какъ науки, изъ которыхъ каждый одинокъ ендитъ въ своей наутинѣ и наблюдаетъ, сколько въ нее попадется мухъ; къ другому же науку если онъ и приближается, то исключительно для борьбы съ нимъ. Итакъ, въ то время какъ творенія поэтовъ мирно пасутся другъ подлѣ друга, какъ лгнята, системы философскія являютъ собою отъ природы хищныхъ животныхъ, и такихъ притомъ, у которыхъ страсть къ уничтоженію,—подобно скорпіонамъ, наукамъ и нѣкоторымъ изъ личинокъ пасѣкомыхъ,—направлена, преимущественно, противъ собственного же вида. Онѣ появляются на свѣтъ подобно лгннкамъ изъ Язонава поѣва драконовыхъ зубовъ, и, подобно имъ, всѣ онѣ до настоящаго времени занимались взаимнымъ истребленіемъ. Борьба эта длится уже болѣе двухъ тысячелѣтій; завершится ли она когда-либо рѣшительной побѣдой и прочнымъ миромъ?

Вслѣдствіе этой по существу полемической натуры, этого *belli omnium contra omnes* философскихъ системъ, для философа безконечно болѣе трудно добиться признанія, чѣмъ для поэта. Произведеніе поэта требуетъ лишь того, чтобы читатель проникся смѣшной развлекающихъ его или возвышающихъ страницъ и на немногіе часы совершенно отдался имъ,—и ничего болѣе. Твореніе же философа стремится перевернуть въ читателѣ весь его образъ мысленія, требуетъ отъ него, чтобы онъ объявилъ все, чему онъ научился въ этой области до сихъ поръ и во что увѣровалъ, заблужденіемъ, а время и трудъ—потерянными, и чтобы онъ началъ сызнова; въ крайнемъ случаѣ оно позволяетъ оставить нетронутыми развѣ лишь обломки какого-нибудь своего предшественника,

чтобы построить из них свой фундамент. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что оно встрѣчаетъ противника по должности въ каждомъ преподавателѣ уже существующей системы и что, мало того, даже государство иногда беретъ подъ свою защиту извѣстную полюбившуюся ему философскую систему и, при помощи своихъ могущественныхъ матеріальныхъ средствъ, предотвращаетъ появленіе великой нововѣ. Далѣе, пусть примутъ во вниманіе, что количество философской пубрики относится къ публикѣ поэта, какъ число людей, ищущихъ поученія, къ числу ищущихъ развлеченія, — откуда легко будетъ сообразить, *quibus auspiciis* выступаетъ философъ. — Зато, съ другой стороны, философа вознаграждаетъ конечно олобреніе мыслителей, избранныхъ на протяжении нѣковъ и странъ, безъ различія національностей: толпа же мало-по-малу научается цѣнить его имя, довѣряясь авторитету. Сообразно съ этимъ и въ силу медленнаго, но глубокаго вліянія хода философіи на жизнь всего человѣчества, исторія философвъ на протяжении тысячелѣтій протекаетъ параллельно исторіи царей и насчитываетъ во сто разъ менѣе именъ, чѣмъ послѣдніе; поэтому-то стяжать своему имени прочное мѣсто въ ней — велико.

§ 5.

Философскій писатель — проводникъ, а читатель его — странникъ. Чтобы вмѣстѣ дойти, они должны, прежде всего, вмѣстѣ выйти, т. е. авторъ долженъ прихватить за собой своего читателя съ той точки зрѣнія, которая у нихъ несомнѣнно обща; такою же точкой не можетъ служить ничто иное, кромѣ общаго всѣмъ намъ эмпирическаго сознанія. Здѣсь-то, слѣдовательно, и долженъ онъ крѣпко взять его за руку и смотрѣть затѣмъ, какъ высоко можетъ онъ подняться съ нимъ за облака, идя шагъ за шагомъ по горной тропинкѣ. Такъ поступилъ еще *Кантъ*: онъ исходитъ изъ вполне общаго сознанія какъ самого себя, такъ и другихъ вещей. — Превратно, напротивъ, стремленіе отираиваться, какъ отъ исходной точки, отъ мнимаго интеллектуальнаго созерцанія сверхфизическихъ отношеній или даже процессовъ, или же отъ какого-то воспріимлющаго сверхчувственное разума, или отъ нѣкаго абсолютнаго, самого себя мыслящаго, разума: ибо все это указываетъ на стремленіе брать исходной точкой не сообщимыя непосредственно истины, при чемъ, въ силу этого, читатель уже при самомъ выступленіи въ путь не знаетъ, находится ли онъ рядомъ со своимъ авторомъ или же за много верстъ отъ него.

§ 6.

Къ нашему собственному серьезному размышленію и сокровенному созерцанію вещей разговоръ о нихъ съ другимъ человѣкомъ относится,

какъ машина къ живому организму. Ибо только при собственномъ размысленіи все бываетъ какъ бы высѣчено изъ одного куска или сграно въ одномъ тонѣ, въ силу чего возможно достигнуть полной ясности, отчетливости и истинной связности, даже единства; въ разговорѣ, напротивъ, прилаживаются другъ къ другъ разнородные куски различнаго происхожденія, и имъ насильно навязывается извѣстное единство движенія, которое часто неожиданно прерывается. Дѣйствительно, лишь самого себя понимаешь вполне; другихъ понимаешь только наполовину; ибо въ самомъ крайнемъ случаѣ возможно прийти лишь къ общности понятій, но не къ общности лежащаго въ основѣ ихъ нагляднаго постиженія. Потому-то глубокія философскія идеи никогда не будутъ излечаться на свѣтъ путемъ совместнаго мысленія, діалога. Впрочемъ, послѣдній весьма пригоденъ для предварительнаго упражненія, для постановки проблемъ, для ихъ какъ бы провѣтриванія, въ послѣдствіи же—и для испытанія, контроля и критики предложеннаго рѣшенія. Съ этой цѣлью написаны и разговоры Платона; вотъ почему изъ его школы вышли вторая и третья академіи съ усиливающимся скептическимъ направленіемъ. Какъ форма сообщенія философскихъ мыслей, написанный діалогъ цѣлесообразенъ лишь въ томъ случаѣ, когда предметъ допускаетъ два или нѣсколько воззрѣній, совершенно различныхъ, пожалуй, даже противоположныхъ, при чемъ или сужденіе о нихъ должно быть предоставлено читателю или же они черезъ сопоставленіе дополняютъ другъ друга для болѣе совершеннаго и правильнаго пониманія дѣла; къ первому случаю принадлежитъ также и опроверженіе сдѣланныхъ возраженій. Но избранная съ такою цѣлью діалектическая форма,—въ силу того, что различіе взглядовъ схватывается здѣсь и разрабатывается въ самомъ основаніи,—должна зато и стать по истинѣ драматической: разговаривать должны дѣйствительно двое. Лишенная такого рода цѣли, она—праздная забава; какъ то и бываетъ по большей части.

§ 7.

Ни наши познанія, ни наши прозрѣнія никогда не въ состояніи особенно увеличиться отъ сравненія и наслѣдованія того, что сказано другими, ибо все это въ концѣ-концовъ—нѣчто подобное переливанію воды изъ одного сосуда въ другой. Дѣйствительно обогатить прозрѣніе и познаніе возможно исключительно собственнымъ наблюденіемъ самыхъ вещей, ибо единственно оно являетъ собою вѣчно готовый и всегда находящійся подъ рукою живой источникъ. Вотъ почему и странно видѣть, какъ вожделѣющіе бытія философы вѣчно погружены въ работу на первомъ изъ двухъ путей, точно вовсе не подозревая второго, и какъ они вѣчно посягаютъ съ тѣмъ, что сказалъ тотъ-то и что могъ подразумевать такой-то; выходитъ такъ, будто они снова и снова опрокидываютъ старые

сосуды, чтобы заглянуть, не осталась ли гдѣ на донышкѣ какая-нибудь капелька; между тѣмъ, живой источникъ, струящійся у ногъ ихъ, оставленъ безъ вниманія. Ничто не выдается съ такой очевидностью, какъ это, ихъ неспособность и не спешасть надѣтой ими личины важности, глубокомыслія и оригинальности.

§ 8.

Тѣ люди, которые надѣются сдѣлаться философами посредствомъ изученія исторіи философій, скорѣе должны вынести изъ нея убѣжденіе, что философамъ, совершенно какъ и поэтамъ, только *родятся*, и притомъ несравненно болѣе рѣдко.!

§ 9.

Существуетъ странное и недостойное опредѣленіе философій, которое однако дастъ еще *Кантъ*, именно, что она—наука *изъ однихъ понятій*. Между тѣмъ все достойнѣе понятій заключается въ томъ, что въ нихъ вложили изъ выключеннаго взаимны у нагляднаго познанія, этого дѣйствительнаго и неисчерпаемаго источника всякаго прозрѣнія. Поэтому истинную философію нельзя выткать изъ голыхъ абстрактныхъ понятій; она должна быть основана на наблюденіи и опытѣ, какъ внутреннемъ, такъ и ви́шнемъ. Равнымъ образомъ нельзя достигнуть въ философіи чего-нибудь и попытками комбинированія понятій, какъ то не разъ дѣлалось прежде, какъ то и теперь дѣлаютъ софисты нашего вѣка, т. е. *Фихте* и *Шеллингъ*, въ особенно же сильной степени извращенія—*Гегель*, въ области же морали, на ряду съ ними,—*Шлейермахеръ*. Подобно искусству и поэзіи, философія должна имѣть своимъ источникомъ наглядное постиженіе міра; притомъ, какъ ни сильно должно быть въ ней преобладаніе головы, дѣло однакоже не можетъ происходить здѣсь столь хладнокровно, чтобы въ немъ не принялъ подъ конецъ участія весь человѣкъ, и съ сердцемъ и съ головою, и не былъ потрясенъ до самаго основанія. Философія—не алгебраическая задача. Скорѣе правъ *Вовенарцъ*, говоря, что великія мысли исходятъ изъ сердца.

§ 10.

Разсматривая философію всѣхъ временъ въ ея цѣломъ, можно прийти также къ тому убѣжденію, что она, подобно маятнику, колеблется между *раціонализмомъ* и *иллюминизмомъ*, т. е. между употребленіемъ то объективнаго, то субъективнаго источника познанія.

Раціонализмъ, имѣющій своимъ органомъ изначала предназначенный исключительно на служеніе *воли* и въ силу этого *волею* направленный интеллектъ, сначала появляется въ видѣ *догматизма* и, какъ такой, бываетъ совершенно *объективенъ*. Далѣе онъ начинаетъ че-

редоваться со *скептицизмом* и въ силу этого становится, наконецъ, *критицизмом*, который старается умѣрить разногласіе, принимая во вниманіе *субъектъ*,—т. е. раціонализмъ превращается въ *трансцендентальную философію*. Я подразумеваю подъ нею всякую философію, исходящую изъ того положенія, что ближайшимъ и непосредственнымъ предметомъ ея являются не вещи, а человеческое *сознаніе* этихъ вещей, которое въ силу этого никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду. Французы довольно неточно называютъ такую философію „*méthode psychologique*“, въ противоположность „*méthode purement logique*“, подъ которою они разумѣютъ философію, попросту исходящую изъ объектовъ или же изъ объективно мыслимыхъ понятій, т. е. — догматизмъ. Достигнувъ этой точки, раціонализмъ приходитъ къ сознанію того, что органъ его схватываетъ одно *явленіе*, но не послѣднюю, сокровенную и самобытную сущность вещей.

Какъ на вѣсѣхъ стадіяхъ раціонализма, такъ, въ особенности, въ данномъ пунктѣ, получаетъ значеніе, какъ его антитеза, *иллюминизмъ*, который, по самому существу своему направляясь *внутрь*, имѣетъ органомъ—внутреннее просвѣтленіе, интеллектуальное созерцаніе, высшее сознаніе, непосредственно познающій разумъ, богосознаніе, унификацію и т. п. и презрительно относится къ раціонализму, какъ къ „свѣточу природы“. При этомъ, если онъ кладетъ въ основу религію, онъ становится *мистицизмомъ*. Основное прегрѣшеніе его то, что его познаніе *несообщимо*, отчасти потому, что для *внутренняго* воспріятія нѣтъ никакого критерія тождества объекта у различныхъ субъектовъ, отчасти же потому, что для сообщенія познаніе это должно бы было прибѣгнуть все-таки къ слову; языкъ же, возникшій для нуждъ направленного *вовнѣ* интеллектуальнаго познанія, путемъ абстракцій изъ него, совершенно неприспособленъ къ выраженію по существу различныхъ отъ такого познанія внутреннихъ состояній, являющихся содержаніемъ иллюминизма; въ силу этого иллюминизмъ долженъ былъ бы образовать собственный свой языкъ, но и послѣдній опять-таки, влѣдствіе первой изъ указанныхъ причинъ, оказался бы непригоднымъ. Какъ *несообщимое*, всякое познаніе подобнаго рода и недоказуемо, почему раціонализмъ, рука объ руку со скептицизмомъ, снова и выступать на сцену. Слѣды *иллюминизма* попадаются мѣстами уже у Платона; болѣе же рѣшительно проступаетъ онъ въ философіи неоплатониковъ, гностиковъ, у Діонисія Ареопагита, равно какъ и у Скота Эригены; далѣе—у магометанъ, въ видѣ ученія *суфійевъ*; въ Индіи господствуетъ онъ въ „Веданта“ и „Миманса“; наиболѣе рѣшительно примыкаютъ къ нему Яковъ Бѣме и всѣ христіанскіе мистики. Онъ появляется всякій разъ, когда раціонализмъ пробѣгаетъ извѣстную стадію, не достигнувъ цѣли; такъ, къ концу схоластической философіи, въ видѣ ея противоположно-

сти, онъ появился въ формѣ мистики, особенно нѣмецкой, у Таулера, у творца нѣмецкой теологiи и у другихъ; равнымъ образомъ, въ новѣйшее время, какъ противоположность Кантовской философіи, — у Якоби и Шеллинга, а также и въ послѣднемъ періодѣ Фихте. — Однако же философія должна быть *сообщимымъ* познаніемъ, т. е. раціонализмомъ. Сообразно съ этимъ, я хотя и указалъ въ заключеніи своей философіи на область иллюминизма, какъ на существующій фактъ, но остерегся хотя бы на одинъ шагъ приблизиться къ ней; зато я и не пытался дать послѣднія откровенія о сущности міра и дошелъ лишь до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ возможно дойти на объективномъ, раціоналистическомъ пути. Я предоставилъ иллюминизму полную свободу дѣйствія въ его области, гдѣ онъ и можетъ предаваться раскрытію на свой ладъ всѣхъ загадокъ, не становясь мнѣ поперекъ дороги и не вступая со мною въ полемику.

Иногда бывасть однако, что въ основѣ раціонализма лежитъ затаенный иллюминизмъ, съ которымъ философъ въ такомъ случаѣ и свѣрятся, какъ со скрытымъ компасомъ, въ полномъ убѣжденіи, что онъ не направляетъ своего пути ни по чему другому, кромѣ зѣвадь, т. е. наружу и на виду лежащихъ объектовъ, и только ихъ принимаетъ въ расчетъ. Это терпимо, такъ какъ онъ не задается мыслью сообщить кому-нибудь свое несообщимое познаніе, — нѣтъ, сообщенія его носятъ чисто объективный и раціональный характеръ. Такъ, нѣроютно, было съ Платономъ, Спинозою, Мальбраншемъ и нѣкоторыми другими, и никого это не можетъ касаться, ибо это тайна ихъ сердца. Напротивъ, призывать во всеулышаніе къ интеллектуальному созерцанію и насло повѣствовать о его содержаніи съ претензіей на объективное значеніе послѣдняго, какъ это дѣлають Фихте и Шеллингъ, — это постыдно и предосудительно.

Впрочемъ, самъ по себѣ *иллюминизмъ* можетъ быть оправдываемъ, поскольку онъ является естественною попыткой обоснованія истины. Ибо направленный *вовнѣ* интеллектъ, въ качествѣ орудія для цѣлей *воли*, т. е. въ качествѣ чего-то второстепеннаго, представляетъ собою лишь *часть* всего нашего человѣческаго существа; онъ принадлежитъ къ области *явленія*, и познаніе его приурочено только къ явленію, такъ какъ онъ существуетъ исключительно въ интересахъ послѣдняго. Что же можетъ быть естественнѣе, какъ не привлеченіе на помощь, — послѣ неудачи съ объективно познающимъ интеллектомъ, — всего остального нашего существа, которое именно и должно быть вещью въ себѣ, т. е. принадлежать къ истинной сущности міра и въ силу этого заключать въ себѣ то или иное разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, — подобно тому какъ древніе нѣмцы, проигравъ все, ставили на карту собственную свою личность? А единственно истинный и объективно состоятельный способъ достигнуть этого заключается въ признаніи эмпирически даннаго факта

существованія воли, заявляющей о себѣ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, — мало того, даже являющейся единственной сущностью послѣдняго, и въ примѣненіи этого факта къ объясненію объективнаго, внѣшняго познанія; какъ это и сдѣлано мною. Напротивъ, путь чистаго иллюминизма, по вышеизложеннымъ основаніямъ, не ведетъ къ цѣли.

§ 11.

Простая изворотливость ума даетъ право быть развѣ только скептикомъ, но не философомъ. Тѣмъ не менѣе, скепсисъ въ философіи то же, что оппозиція въ парламентѣ: онъ такъ же благотворенъ, даже необходимъ. Повсюду основывается онъ на томъ, что философія неспособна къ такого рода очевидности, какую обладаетъ математика: она такъ же неспособна къ ней, какъ человѣкъ неспособенъ къ инстинктамъ животныхъ, которые тоже а priori надежны. Въ силу этого скепсисъ все еще можетъ лечь на другую чашку вѣсовъ противъ великой системы; но вѣсъ его въ концѣ концовъ окажется настолько малъ въ сравненіи съ другимъ вѣсомъ, что повредить ему не болѣе, чѣмъ вредитъ арифметической квадратурѣ круга то обстоятельство, что она лишь приближительна.

То, что *знаешь*, обладаетъ двойною цѣнностью, если въ то же время сознаешься въ невѣдѣніи того, чего *не знаешь*. Въ силу этого первое освобождается отъ подозрѣнія, которому подвергаются люди въ томъ случаѣ, когда, какъ это обстоитъ, наприхѣръ, съ шекспировцами, они выдаютъ за извѣстное и то, чего не знаютъ.

§ 12.

Откровеніями разума всякій человѣкъ называетъ извѣстные положенія, которыя онъ безъ провѣрки признаетъ за истинныя и въ справедливости которыхъ мнитъ себя настолько убѣжденнымъ, что даже при всемъ желаніи не могъ бы подвергнуть ихъ серьезной провѣркѣ: для этого онъ на время долженъ былъ бы усомниться въ нихъ. Надежный кредитъ этотъ онѣ приобрѣли у него благодаря тому, что съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ говорить и мыслить, ему безирерывно внушали и такимъ образомъ привили ихъ; поэтому его привычка мыслить эти положенія такъ же стара, какъ привычка мыслить вообще; оттого онъ и не въ состояніи болѣе отдѣлять ихъ одну отъ другой: аксіомы эти срослись съ его мозгомъ. Сказанное здѣсь настолько справедливо, что подтверждать его примѣрами было бы, съ одной стороны, излишне, съ другой же — рискованно.

§ 13.

Никакое міровоззрѣніе, исходящее изъ объективнаго, интуитивнаго постиженія вещей и послѣдовательно проведенное, не можетъ быть совершенно ложно: въ худшемъ случаѣ оно будетъ лишь односторонне, какъ, напримѣръ, совершенный матеріализмъ, абсолютный идеализмъ и много другихъ. Всѣ они истинны, но—въ одно и то же время; слѣдовательно, истинность ихъ лишь относительна. Именно, каждое такое воззрѣніе истинно лишь съ извѣстной, опредѣленной точки зрѣнія, подобно тому какъ картина изображаетъ мѣстность съ одного лишь пункта наблюденія. Но стоитъ только возвыситься надъ точкой зрѣнія такой системы, какъ тотчасъ же обнаружится относительность ея истинности, т. е. ея односторонности. Только высшая, все захватывающая въ свой кругозоръ и все принимающая во вниманіе точка зрѣнія можетъ дать безусловную истину. — Сообразно съ этимъ, напримѣръ, будетъ вѣрно, если я, наподобіе Экклезіаста, стану смотрѣть на себя, какъ на временное порожденіе природы, возникшее и обреченное полной гибели; но въ то же время вѣрно и то, что все, что когда-либо было и будетъ, это—я и въ мѣня ничто не существуетъ. Равнымъ образомъ, будетъ вѣрно, если я, наподобіе Анакреона, буду полагать высшее благо въ наслажденіи настоящимъ; но вѣрно будетъ въ то же время и то, если я признаю спасительность страданія и ничтожество, даже пагубность всякаго наслажденія и буду видѣть въ смерти цѣль моего существованія.

Все это имѣетъ свое основаніе въ томъ, что всякое доступное послѣдовательному развитію міровоззрѣніе представляетъ собою лишь переведенное на понятія и, такимъ образомъ, фиксированное интуитивное и объективное постиженіе природы,—природа же, т. е. интуитивное, никогда не лежитъ, еще того менѣе противорѣчитъ себѣ, такъ какъ самая сущность ея исключаетъ все подобное. Слѣдовательно, гдѣ нѣлицо противорѣчіе и ложь, тамъ даны уже и мысли, очерченные не изъ объективнаго воспріятія,—какъ, напримѣръ, въ оптимизмѣ. Неполнымъ же и одностороннимъ объективное воспріятіе можетъ быть, но оно въ такомъ случаѣ нуждается не въ опроверженіи, а въ восполненіи.

§ 14.

Безустанно ставягъ въ упрекъ метафизикъ ничтожность ея прогресса въ сравненіи со столь великимъ прогрессомъ естественныхъ наукъ. Уже *Вольтеръ* восклицалъ: „*o métaphysique! nous sommes aussi avancés que du tems des premiers Druides*“ (Mél. d. phil. ch. 9). Но какія же другія науки имѣли, подобно метафизикѣ, постоянный тормазъ, въ видѣ неизбежнаго антагониста ex officio, утверждаемаго государствомъ обвинителемъ, *kings champion's*, во всеоружіи нападающаго на беззащитныхъ и

безоружныхъ? Никогда не обнаружитъ она своихъ истинныхъ силъ, никогда не сдѣластъ своего исполнскаго шага, пока подъ различными угрозами ей будутъ внушать, чтобы она примѣнялась къ догматамъ, разсчитаннымъ на столь малую степень разумѣнія столь большой толпы. Сначала связываютъ намъ руки, затѣмъ издѣваются надъ тѣмъ, что мы ничего не въ состояніи сдѣлать.

Религіи забираютъ въ свои руки метафизическую склонность человека, отчасти уродуя ее преждевременной прививкой своихъ догматовъ, отчасти воспрещая подъ страхомъ возмездія свободно и непосредственно проявлять ее, такъ что человѣку отчасти напрямикъ воспрещается свободное изслѣдованіе наиболее важныхъ и интересныхъ явленій, даже собственнаго его существованія, отчасти же ставятся косвенныя препятствія, отчасти онъ и субъективно утрачиваетъ способность къ изслѣдованію вслѣдствіе ея уродованія, — и, такимъ образомъ, оковы налагаются на самый возвышенный изъ его задатковъ.

§ 15.

Чтобы сдѣлать насъ болѣе терпимыми къ чужимъ воззрѣніямъ и болѣе терпѣливыми къ возраженіямъ, — нѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства, чѣмъ воспоминаніе о томъ, какъ часто сами мы попеременно держались объ одномъ и томъ же предметѣ совершенно противоположныхъ мнѣній и неоднократно, иногда даже въ крайне непродолжительный срокъ, мѣняли ихъ, отвергая и вновь принимая то одно, то другое, какъ разъ противоположное мнѣніе, смотря по тому, какъ представлялся намъ самый предметъ, въ томъ или въ другомъ свѣтѣ.

Точно такъ же, для того чтобы добиться признанія нашего мнѣнія у человѣка противоположныхъ воззрѣній, нѣтъ болѣе удобнаго средства, чѣмъ фраза: „то же самое думалось раньше и мнѣ, но“ и т. д.

§ 16.

Ложное ученіе, прорастаетъ ли оно изъ ошибочной мысли, или же изъ дурнаго умысла, всегда бываетъ разсчитано лишь на нѣкоторыя частныя обстоятельства, — слѣдовательно, на нѣкоторое время; одна лишь истина разсчитывается на вѣки, хотя ее на время можно презрѣть или заглушить. Но лишь только пробьется хотя немного свѣта изнутри или же немного воздуха извнѣ, какъ уже находятся люди, чтобы возвѣстать истину и защитить ее. Такъ какъ истина рождается не въ интересахъ какой-либо одной партіи, то всѣ выдающіеся умы во всѣ времена бываютъ ея поборниками. Ибо она подобна магниту, который неизмѣнно и всюду указываетъ на одну, абсолютно опредѣленную точку вселенной; напротивъ, ложное ученіе подобно статуѣ, указывающей рукою на другую статую, но удаленіи отъ которой она терять всякій смыслъ.

§ 17.

Бояѣ всего препятствуетъ открытію истины не обманчивая видимость вещей, которая возникаетъ изъ нихъ самихъ и ведетъ къ заблужденію, и не слабость разсудка непосредственно,—а предвзятое мнѣніе, предразсудокъ, который, какъ незаконное *a priori*, возстаетъ противъ истины и унодобляется тогда противоположному вѣтру, отгоняющему корабль отъ того направленія, въ какомъ единственно находится земля; тщетно тогда работаютъ его руль и паруса.

§ 18.

Стихи Гёте въ Фаустѣ:

„Was du ererbt von Deinen Vätern hast,
Erwirb es, um es zu besitzen“

я комментирую слѣдующимъ образомъ. Пойти собственными силами то, что было уже открыто мыслителями, независимо отъ нихъ и прежде знакомства съ ними,—весьма цѣнно и полезно. Ибо то, что продумано самостоятельно, понимаешь несравненно основательнѣе, чѣмъ изученное. Если же впоследствии встрѣчаешь то же самое у предшествующихъ мыслителей, то неожиданно получаешь въ чужомъ признанномъ авторитетѣ сильнѣйшее подтвержденіе достовѣрности своего взгляда, въ силу чего пріобрѣтается увѣренность и стойкость для защиты послѣдняго отъ всякихъ возраженій.

Напротивъ, если сначала находишь что-либо въ книгахъ и уже затѣмъ, путемъ самостоятельнаго разсужденія, достигнешъ того же результата, то никогда нельзя съ увѣренностью сказать, что додумался до него собственными силами, а не просто повторялъ сказанное и почувствованное рабѣе. Это порождаетъ существенное различіе въ степени достовѣрности открытія. Ибо въ послѣднемъ случаѣ, придерживаясь предшественниковъ, легко возможно, послѣдствіе предвзятости мнѣній, впасть вмѣстѣ съ ними въ ошибку; такъ вода легче всего устремляется по уже раніше проложенному руслу. Если считаютъ двое, каждый самъ по себѣ, и получаютъ одинаковый результатъ, то онъ будетъ надеженъ; этого не будетъ въ томъ случаѣ, если счетъ одного только просматривается другимъ.

§ 19.

Свойства нашего изъ воли возникшаго интеллекта таковы, что мы принуждены воспринимать міръ или какъ *цѣль*, или же какъ *средство*. Первое выражало бы собою, что бытіе міра оправдывается его сущностью и, слѣдовательно, должно быть рѣшительно предпочтено небытію.